

# ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

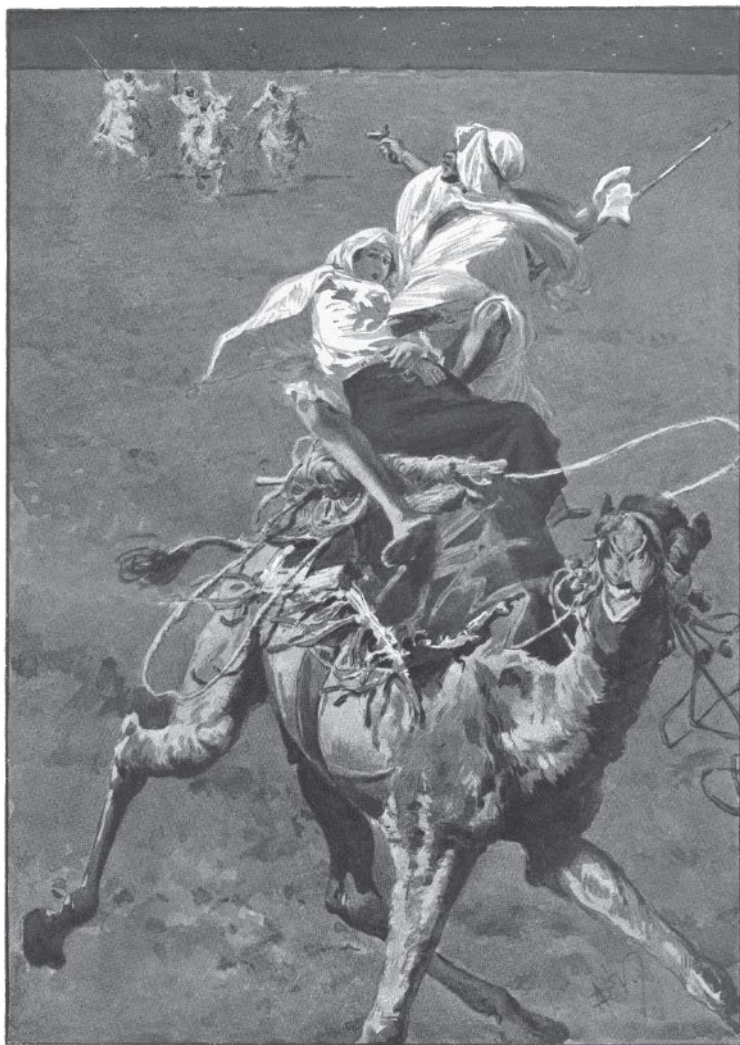


Разбойники Сахары  
Пантеры Алжира  
Грабители Эр-Рифа



Санкт-Петербург

# Разбойники Сахары



## Глава I

# МАРОККАНСКИЕ ФАНАТИКИ

---

Рамадан, мусульманский пост, длящийся тридцать дней, а не сорок, как у христиан, заканчивался. Жители Тафилалета ожидали пушечного выстрела, который должен был возвестить о начале ночного пира. Народ загодя высыпал на улицы и площади города, затерянного у южных рубежей марокканской империи, на берегу бескрайнего песчаного моря Сахары, чтобы поглазеть на святых и фанатиков. Ни один религиозный праздник не обходится здесь без отвратительных кровавых сцен. Будь то Мухаррам, приходящийся на начало года, Рамадан, большой или малый Байрам, разнообразные секты пускаются во все тяжкие, чтобы заработать райское блаженство.

Изменились Турция и Египет. Угас дикий религиозный пыл Триполитании<sup>1</sup> и Алжира. Лишь в Марокко и Саудовской Аравии, колыбели ислама, он сохраняется таким, каким был пятьсот или тысячу лет назад. Охваченные восторгом, граничащим с безумием, фанатики бегают по улицам со стилетами, кинжалами и ятаганами, нанося себе жуткие раны, брызгая кровью в лица своих приверженцев и взывая к Магомету. Нередко в неистовстве своем бросаются они со стен бастиона и разбиваются о камни оборонительного рва.

В Тафилалете, как и в прочих городах Марокко, хватало своих фанатиков и святых, ждавших конца Рамадана, дабы выказать религиозную страсть и заслужить право на магометанский рай. О начале представления объявляют крики и оглушительный рокот барабанов: фанатики покинули мечеть и готовы отправиться в кровавый марафон по улицам города.

---

<sup>1</sup> *Триполитания* — историческая область в Ливии. — *Здесь и далее примеч. ред., кроме указанных особо.*



Немногочисленные европейцы, живущие тут и ведущие торговлю с караванами, разбегаются кто куда, евреи запираются в домах и дрожат от ужаса над сундуками, полными золотом. Все они в опасности. Однако если европеец — просто «неверный», то еврей — пес, которого любой фанатик имеет право безнаказанно оскорбить, а то и убить. Первых трогать побаиваются, вторых — ни капли. Ведь у евреев нет консулов, готовых встать на защиту.

Вот в конце улицы на белом коне появляется муккадим — вождь хамдуков, секты, каждый праздник собирающей богатую и кровавую жатву. В широком белом уазроце<sup>1</sup> и огромной чалме, он размахивает над головой зеленым с серебряным полумесяцем знаменем пророка.

Вождя сопровождают два десятка вопящих и кружащихся, точно турецкие дервиши, заклинателей змей, так называемые айсау: почти голые, всей одежды — чалма и набедренная повязка. Одни бьют в бубны, другие пронзительно свистят на флейтах, третьи вращают в воздухе смертельно ядовитых змей, во все горло выкрикивая имя своего святого покровителя.

Айсау не боятся змеиных укусов. Они невосприимчивы к яду, поскольку их защищает святой. Они дразнят змей, злят их, кусают за хвосты и, в конце концов, заживо пожирают рептилий, словно это — простые угри. Пожирают, но... не умирают. Почему? Необъяснимая загадка. От укуса этих змей гибнет и курица, и собака, и баран, и не принадлежащий к секте айсау человек.

Вот появляются фанатики вместе со святыми. Их около пяти десятков, и все охвачены бурным религиозным экстазом. Это члены ордена хамдуков, самого рьяного из всех, какие только есть в Марокко. Лица перекошены, глаза мечут молнии, изо рта идет пена, тела — в крови. Воют, будто дикие звери, скачут, словно ступают по горячим углям, извиваются, как одержимые.

Их подзуживают крики верующих, визгливые мелодии флейт и оглушительный грохот барабанов. Некоторые режут себе грудь короткими клинками, чьи рукояти увенчаны медными шарами, цепочками и отполированными пластинками. Другие, даже не морщась, прокалывают себе щеки и языки стилетами. Третьи глотают скорпионов и усеянные иглами побеги опунции.

---

<sup>1</sup> Уазроц — вид мужской туники.

Из всех глоток непрерывно вырывается: «Аллах... алла... алла...» Это уже не крик, это рев, какой издают львы или леопарды.

Фанатики срываются на бег, обгоняют своего вождя. За ними бросаются адепты и айсауа. Начинается безумная, безудержная гонка, которая, без сомнения, закончится трагедией, ведь несчастные, охваченные галлюцинациями, достигли предела иступления. Горе неверному, что окажется у них на пути! А если не подвернется ни европейца, ни еврея, сгодятся собаки, овцы и ослы.

Люди набрасываются на невезучих животных, зубами и когтями вырывают куски плоти и глотают ее, еще трепещущую и истекающую кровью. Вот испуганный пес, убегая, метнулся им под ноги. Его тут же ловят и съедают живьем. Бедного ослика, привязанного на углу улицы, загрызают до смерти. Та же судьба постигает двух баранов.

Зверски вопя и продолжая звать к Аллаху, фанатики приближаются к городским стенам. Базарная площадь остается позади. И тут на глаза им попадается человек. Раздается жуткий рев:

— Смерть кафиру!<sup>1</sup>

Бедняга во всем черном, а цвет этот ненавистен марокканцам, предпочитающим белый или яркие краски. Безумцы сразу сообщают, что перед ними — неверный, хуже того — еврей, которого можно убить безнаказанно. Человек, поняв, что замечен и не успеет укрыться в доме, бросается в арку дверного проема...

Юноше лет двадцать пять. Строен и красив, что редкость среди марокканских евреев, по большей части безобразных. Впрочем, их женщины по-прежнему сохраняют чистоту древнего семитского типа.

Видя несущихся к нему фанатиков, юноша выхватил из-за пояса пистолет, инкрустированный серебром и перламутром, в другую руку взял кинжал и решительно крикнул:

— Кто до меня дотронется, тут же умрет!

Фанатики в недоумении остановились. Чтобы им угрожал еврей? Неслыханно!

Марокканскому еврею не подобает защищаться. Ему надлежит покорно, как барану, умереть от руки первого же мусульманина, встреченного на религиозном празднике. К тому же у евреев не

---

<sup>1</sup> *Кафир* — иноверец, человек, не исповедующий мусульманскую веру.



хватает духу обороняться. Да и что толку? Попробуй еврей поднять руку на мусульманина, будет тотчас же приговорен имперским правосудием к сожжению на костре.

Фанатики колебались недолго. Крики «Смерть кафиру!» возобновились. Сзади, готовая присоединиться к хамдукам, напирала толпа, подгоняя их воплями:

— Смерть неверному! Смерть еврею! Аллах и Магомет вас наградят!

Израильтянин, уже наверняка зная, что дело его гиблое, все же не потерял присутствия духа. Ствол пистолета был упрямо направлен на нападавших. Видимо, юноша собрался выпустить обе пули в безумцев, а потом взяться за кинжал. На побледневшем лице яростно сверкали черные глаза, красотой не уступающие очам самых прекрасных евреек.

— Назад! — отчаянно выкрикнул он.

Под ободряющее улюлюканье толпы фанатики начали, дико визжа, размахивать кинжалами и короткими ятаганами. Безумцы уже готовы были кинуться на юношу и разорвать его в клочья, когда дорогу им преградили двое незнакомцев:

— Стойте!

Оба они были в белых костюмах, какие европейцы носят в Марокко и прочих жарких странах. Первый мужчина выглядел лет на тридцать: высокий, стройный, черноусый брюнет с живыми глазами.

Второй — лет на пять-шесть старше, настоящий геркулес гренадерского роста и с толстенными ручищами: такой в одиночку способен противостоять целому отряду. Кожа смуглая, как у мулата, волосы цвета воронова крыла и огромные усищи, придававшие их обладателю несколько бандитский вид. Черты лица — грубоватые, нос — прямой, губы красные, точно вишни. На голове вместо пробкового шлема — странный черный берет, обвязанный алым платком. Веяло от этого великана такой мощью, что художные марокканцы смотрелись на его фоне довольно жалко.

Фанатики вновь притормозили. Речь уже шла не о еврейской собаке, перед ними стояли европейцы. Может, англичане, а может, французы или итальянцы. Короче говоря, те, кто мог обратиться за помощью к наместнику султана. Происшествие могло закончиться появлением у стен Танжера линкоров, что вряд ли понравится правителю.

— Прочь! — зловеще зашипел кто-то из фанатиков. — Еврей — наш!

Брюнет молча выхватил из кармана револьвер, направил его на марокканца и спросил у товарища:

— Ты готов, Рокко?

— Сделать из этих кретинов отбивные? Всегда готов! — ответил великан. — Я, маркиз, голыми руками с ними справлюсь.

Иступление толпы достигло предела. Так наводнение грозит прорвать плотину.

— Смерть неверным! — раздались вопли.

— Смерть! Смерть! — завопили в ответ фанатики и, намереваясь разделаться с евреем и европейцами, бросились вперед, размахивая ятаганами и кинжалами, с которых капала их собственная кровь.

— Назад, негодяи! — крикнул брюнет, заслоня собой юношу. — Вы не прикаснетесь к этому человеку.

— Смерть европейским собакам! — заорали фанатики.

— Ах так? По-хорошему, значит, не хотите? — разгневался маркиз. — Тогда получайте!

Выстрел из револьвера поразил первого марокканца, и он замертво рухнул на землю. В тот же миг на толпу с кулаками кинулся «геркулес» и двумя ударами свалил еще парочку буянов.

— Bravo, Рокко! — похвалил брюнет. — От тебя пользы больше, чем от моего револьвера.

Наткнувшись на неожиданное сопротивление, фанатики застыли и со страхом уставились на гиганта, похоже отлично умевшего драться и собиравшегося вновь пустить в ход свои кулачищи.

Юноша-еврей пододвинулся поближе к европейцам и на безупречном итальянском произнес:

— Господа, благодарю за помощь, но, если вам дорога жизнь, бегите.

— Я бы с радостью, — ответил брюнет, — было бы куда. У нас нет дома. Не правда ли, Рокко?

— Нету, хозяин. Не нашли пока.

— Тогда позвольте пригласить вас к себе, — сказал юноша.

— И далеко ваш дом?

— Здесь, в гетто.

— Тогда ведите.





*Выстрел из револьвера поразил первого марокканца,  
и он замертво рухнул на землю.*

— Да поскорее, — прибавил Рокко. — Люди продолжают вооружаться, и скоро нам мало не покажется.

Действительно, кое-кто, наведавшись в соседние дома, выходил оттуда с карабинами, саблями, ятаганами, а то и просто с мясницкими ножами.

— Дело принимает серьезный оборот, — согласился маркиз. — Отходим!

Они бросились бежать по рыночной площади. Впереди — еврей, быстрый, точно олень. Вслед беглецам загрохотали выстрелы. По счастью, меткость стрелков оставляла желать лучшего.

Опомнившись, фанатики и их поклонники кинулись вдогонку, вопя:

— Смерть кафирам! Месть! Месть!

Все трое бежали без усталости, показав, что у них стальные икры. Однако положение становилось все более угрожающим, и маркиз начал сомневаться, что удастся уйти невредимыми.

Толпа росла. Из узких проулков выбегали мавры, арабы, негры... И были они отнюдь не безоружными. Новость, что иностранцы злодейски убили трех дервишей, молниеносно распространилась по городу, и весь Тафилалет собрался воздать по заслугам ненавистным кафирам.

— Не думал я, что вызову такую бурю, — прокричал на бегу маркиз. — Если вдруг не появится гвардия наместника, моя миссия на этом завершится.

Беглецы миновали площадь и хотели свернуть на одну из улиц, но проход оказался перекрыт отрядом мавров, вооруженных саблями и карабинами. Они сразу бросились наперерез беглецам, намереваясь зажать их меж двух огней. И им это вполне удалось.

— Рокко! — Маркиз остановился. — Мы проиграли.

— Путь перекрыт, — мрачно сказал еврей. — Вы погибнете, и все из-за меня.

— Ну пока-то мы живы, — возразил великан. — У меня пять пуль, у маркиза — шесть. Давайте где-нибудь забаррикадируемся.

— Где? — спросил маркиз.

— Да хоть вон в той кофейне.

— Начнется осада.

— Попробуем продержаться до прибытия стражи. Наместник три раза подумает, прежде чем бросит нас на произвол судьбы.

Мы — европейцы, представители двух стран, которые могут создать кучу неприятностей марокканскому императору. Но не будем терять времени! Они готовятся стрелять.

Прогремели выстрелы. Пуля пробила берет Рокко.

В конце площади стояло небольшое квадратное строенье с террасой. В чисто побеленных стенах — ни одного окна. Перед входом — плетеные корзины, служившие сиденьями посетителям кофейни.

Все трое кинулись туда, столкнувшись в дверях с хозяином-арабом. Старик некстати выглянул наружу, привлеченный криками и выстрелами.

— С дороги! — рывкнул маркиз. — Это — тебе!

Швырнув арабу пригоршню золотых монет, он оттолкнул его и вбежал внутрь. Рокко и еврей — за ним. Снаружи подбегала толпа:

— Смерть! Смерть кафирам!

## Глава II

### ТРОЕ ПРОТИВ ТЫСЯЧИ

---

Кофейня, занятая беглецами без разрешения хозяина, состояла из двух тесных комнат, забитых мешками с кофе, стульями, корзинами, глиняными и медными кувшинчиками и чашками, в основном — оббитыми и потрескавшимися.

Кроме того, имелись массивный прилавок, койка и железная жаровня, на которой закипал котел с кофе. Маркиз осмотрелся:

— Рокко, сможешь забаррикадировать дверь?

— Пожалуй, стойки хватит. Она тяжелая, из доброй ореховой древесины, в которой крепко застрянут пули.

Сказав это, великан легко оторвал прибитую к полу стойку и подтащил к выходу. Проход оказался прикрыт до половины. Еврейский юноша взялся за кровать, маркиз торопливо подтаскивал мешки с кофе.

— Дело сделано, — заключил Рокко.

— Вовремя, — отозвался маркиз. — Вот они, эти проклятые фанатики. Ни дать ни взять стая бешеных шакалов.



Снаружи доносились жуткие вопли. Фанатики и их последователи, натолкнувшись на баррикаду, вконец взбеленились.

— Пристрелим их! — завизжал кто-то.

— Угомонись, дружище, — невозмутимо посоветовал маркиз. — Мы не фазаны, чтобы спокойно подставляться под выстрелы. У нас тоже есть пули, и уж мы найдем им применение.

— А заодно этому кипятку, — добавил Рокко. — Можно подняться на террасу и вылить его им на голову.

— Сейчас так и сделаю, — вызвался юноша.

— Послушайте, не показывайтесь им на глаза. Сдается мне, вас они ненавидят больше, чем нас.

— Это потому, что я еврей.

— И много у вас врагов в Тафилалете?

— Ни одного, господин. Я прибыл сюда всего два дня назад и...

Выстрел не дал ему закончить фразу. Один марокканец сумел незаметно подобраться к двери, прокравшись вдоль стены, и выстрелил в щель между мешками. Свистнула пуля, едва не задев маркиза и еврейского юношу.

Рокко схватил со стойки револьвер и пальнул вслед убегающему марокканцу. Тот завопил, однако не упал и тут же затерялся в толпе. Горожане сгрудились на площади шагах в пятидесяти от кофейни и не переставая выкрикивали страшные угрозы.

— Промазал? — поинтересовался маркиз.

— Не совсем. Я его ранил, — ответил Рокко. — У нас на Сардинии стрелять умеют.

— У нас на Корсике тоже, — засмеялся маркиз.

— Да, не поспоришь. Ловко вы отправили прямиком к Магомету того фанатика, всадив ему тридцать граммов свинца в тыкву.

— И вы еще можете шутить? — воскликнул юноша, пораженный невероятным хладнокровием своих спасителей.

— Что тут такого? Мы с Рокко развлекаемся вовсю, — ответил маркиз.

— Не думайте, что марокканцы оставят нас в покое.

— Не оставят, говорите? Ну это мы еще поглядим.

— Они перережут нас как цыплят.

— Вы их боитесь?

— Нет, господин маркиз, не боюсь. Клянусь в этом. Однако мне жаль вас и... свою сестру, — вздохнул юноша.

— А, так у вас есть сестра? Где же она?  
— В доме одного моего единоверца.  
— То есть в безопасности?  
— Надеюсь.  
— В таком случае выше нос, дружище. Вы еще с ней увидите. Гвардейцы наместника не позволят толпе растерзать двух европейцев.

— Европейцев, вероятно, да. Что до меня... Я-то — еврей. Меня наместник с чистой совестью бросит толпе.

— Скажите-ка, вы марокканский подданный?

— Да, я из Танжера.

— В Тафилалете вас кто-нибудь знает?

— Нет, господин маркиз.

— Тогда мы объявим, что вы находитесь под покровительством Франции и Италии. Посмотрим, осмелятся ли они вас тронуть. Ага! Кажется, началось. Рокко, надо кое-что сделать.

— Хозяин, — сказал Рокко, — снаружи прячутся четверо или пятеро бандитов. Сейчас примутся палить.

— По-моему, кофейник давно вскипел. Почему бы не угостить этих месье чашечкой мокко?

— Одной чашечкой? Мы же не жадные, господин маркиз.

— А вдруг они обожгутся?

— Тем хуже для них.

Маркиз и юноша встали у стены, чтобы не попасть под выстрел в упор, а сардинец взял тряпку, снял с жаровни огромный, чуть ли не десятилитровый, котелок с кофе и по лесенке поднялся на террасу. Прячась за парпетом, он поднял котелок и опрокинул его содержимое вниз, крикнув:

— Берегите голову, ребята! Горячо!

Из-за двери раздались кошмарные, душераздирающие вопли. Несколько человек бросились через площадь, держась за голову и визжа, точно дикие звери.

— Славный полив! — воскликнул великан.

Толпа отреагировала бешеной пальбой из ружей. Сардинец, однако, предвидя такую реакцию, уже присел за парпетом, по которому застучали пули, разбрасывая во все стороны каменное крошево.

— А стреляют неплохо, подлецы, хотя вряд ли у них имеется добрый английский порох, — проворчал себе в усы Рокко. — Спустишь-ка, поставлю опять котелок на огонь.

И сбегал по ступеням. Вслед грянул новый залп, пули градом забарабанили по стенам.

— Кажется, теперь они больше злы на тебя, мой дорогой Рокко, чем на этого месье, — заметил маркиз. — Кстати, вооружены они неважно. Карабины у них, может, и есть, но, по-моему, от них больше шума, чем вреда.

— Что слышно? — поинтересовался Рокко у еврея, наблюдавшего за площадью.

— Удрали, только пятки засверкали.

— Еще бы! Столько кофе разом выпить!

— Тем не менее остальные готовятся стрелять, — добавил юноша.

— Ничего, нам есть что им предложить, господин...

— Бен Нартико, — представился молодой еврей.

— Судя по имени, вы наполовину то ли араб, то ли испанец?

— Можно и так сказать, месье...

— Маркиз де Сартен.

— Вы корсиканец?

— Да, господин Нартико. Мы с моим верным Рокко оба островитяне. Он с Сардинии. Смотрите, они приближаются! Проклятье! Погодите, сейчас я вас...

С этими словами маркиз выстрелил из револьвера. Молодой еврей поддержал его огнем из пистолета.

— Отлично стреляет израильтянин, — пробасил Рокко, увидев, как один из нападавших крутанулся вокруг своей оси и рухнул на землю.

Толпа ответила столь мощным залпом, что трое осажденных вынуждены были присесть. Марокканцы, похоже, решили взяться за дело всерьез. Пули засвистели, глухо застучали по стенам и деревянной стойке, выбивая куски штукатурки и щепки.

Нападающие, сбившись в кучу, подбирались к кофейне, подбадривая себя криками. Решили, наверное, во что бы то ни стало добраться до трех кафиров, посмеявших бросить вызов целому городу.

— Господин де Сартен, — произнес юноша, — настал наш последний час.

— У меня еще три патрона, — хладнокровно ответил маркиз.

— Я пока вообще ни одного из своих не потратил, — прибавил Рокко.



— Итого — минус восемь негодяев.  
— А мои кулаки, хозяин? О них вы позабыли?  
— Но их же там тысяча! — вскричал еврей. — У вас найдутся кинжалы?

— Найдутся. И мы ими воспользуемся, будьте покойны.  
— Следовательно, у нас вполне хватит... Что это еще за шум?  
Не стук ли копыт?

В самом деле, сквозь многоголосый гомон донеслось ржание лошадей и по мостовой загрохотали подковы. Послышались повелительные крики:

— С дороги! С дороги!  
— Похоже, помощь подоспела, — сообщил Рокко, выглянув наружу. — Толпа расступается перед всадниками.

— Выходит, здешний душка-наместник решил наконец вмешаться? — предположил маркиз. — Еще чуть-чуть, и уже ничто не спасло бы наши шкуры, а заодно — и шкуры его подданных. Представляю, что сейчас здесь начнется.

— Ничего, что нельзя будет решить золотом, — сказал Бен Нартико. — Если позволите, я вручу им его от вашего имени.

— От таких щедрых предложений грех отказываться. Сейчас у меня в кармане ни луидора, но потом я верну вам долг.

— Господин маркиз! — воскликнул Бен Нартико. — Это я у вас в неоплатном долгу!

— А он совершенно не похож на других евреев, — пробормотал себе под нос Рокко. — Неплохой, должно быть, парнишка.

Между тем всадники, разогнав собравшихся древками копий, остановились перед кофейней. Их было около трех десятков, все высокие, статные и черные, как вакса. Лучшие, самые надежные марокканские войска комплектуются из негров, которых в цепях приводят из африканских джунглей. Они не колеблясь пускают в ход оружие против местных жителей: мавров, арабов и евреев.

На стражниках были просторные голубые или красные кафтаны, белые накидки и остроконечные фески. На ногах — желтые кожаные бабуши с очень длинными двузубыми шпорами.

Лошади под тяжелыми седлами были коренасты, яркоглазы, с немного сплюсненными лбами. Красивые, поджарые, быстрые как ветер и выносливые животные.

Во главе отряда гарцевал очень смуглый, чернобородый вельможа весьма важного вида. Наряд его составляли белая чалма,